

Лето 82-го года. Прохладный продуваемый ветер. У метро «Парк культуры» продают театральные билеты. Сейчас трудно представить, что такое могло быть: билеты на Никитиных, в неограниченном количестве, на улице... Помню, мы с друзьями купили сразу шесть. Концерт проходил в Лужниках, на огромной площадке. Первое отделение — Никитины, второе — Александр Градский. Признаюсь, мэтра мы слушали с трудом. А Никитиных — с замирающим сердцем. В тот день было еще одно их выступление, на которое мы сразу же решили остаться. Пришли и на другой день, и тоже на два концерта. До тех первых концертов мы слышали только несколько их песен. И совсем ничего не знали о них самих. Все началось в те августовские дни — и осталось на годы. Теперь уже можно сказать — навсегда. Мы были очень молоды. Мир, как в стихах Эдуарда Багрицкого, еще вставал перед нами огромной птицей: свистел, щелкал, звенел. Мы еще многого не понимали, но фальшь и глупость ощущали интуитивно, кожей. Тянулись к хорошей поэзии и как раз в то время

пополнили собой ряды читателей самиздата. И еще. Именно в то лето мы впервые, по-настоящему увлеклись авторской песней, взахлеб слушали Новеллу Матвееву, Окуджаву, уже ушедшего Высоцкого... И вдруг все чудесным образом сошло. Лучшие стихи, гитара, голоса Татьяны и Сергея. Искренние ответы на искренние вопросы из зала. Атмосфера доброты и подлинной интеллигентности. Сейчас, годы спустя, наше отношение к Никитиным не изменилось. Хотя эпоха на дворе другая. И мы давно повзрослели. Впрочем, могла ли я тогда представить, что когда-нибудь смогу познакомиться с ними? Думаю об этом во время нашего разговора у них дома, как водится, на кухне, залитой весенним солнцем. Сначала мы беседовали с Татьяной, позже появился Сергей. Вспоминали их последний «общий» концерт (сейчас они редко выступают вместе), состоявшийся 11 марта в Доме художника. Лишний билетик спрашивали за версту от входа. В зале работали телекамеры и диктофоны, звенящая тишина то и дело взрывалась смехом и аплодисментами. Был настоящий успех, если точнее, триумф...

Татьяна и Сергей НИКИТИНЫ:

«Мы все-таки парим в небесах...»

Учительская газ. — 1995. — 8 авг. — с. 24.

— Сначала — вопрос традиционный. Много говорят и пишут, что авторская песня умерла или видоизменилась. Мне показалось — особенно на последних концертах, — что именно сейчас начинается новая волна. 11 марта в Доме художника со мною рядом сидели молодые люди, пришедшие впервые...

Татьяна: Вы почти ответили. Выросло поколение детей тех людей, которые когда-то увлекались авторской песней. Это и есть приток свежей силы. Второе. Да, авторская песня пережила большие испытания. То, что осталось, то, на что ходят люди, конечно, заслуживает внимания. Раньше можно было взять гитару, спеть нехитрые стихи, и вокруг тебя уже собиралась толпа. А сейчас в силе свободная конкуренция, и уже недостаточно поработать своим гением родных и друзей. Нужны хоть какие-то умения, навыки игры на гитаре, голоса... Авторская песня, мне кажется, по части развития исполнительского искусства сильно продвинулась вперед. Значительно сложнее обстоит дело со свежестью идей и, если хотите, чувств. Если в свое время появилась целая плеяда бардов, то сейчас нельзя сказать, что молодое поколение подарило нам много ярких имен. Это, скорее, слушатели. Видимо, таков закон развития искусства: сначала должен быть процесс накопления, а уже потом — творческое осмысление.

А вопрос о том, что этот жанр состоялся, стал фактом искусства, думаю, уже снят. Лучшие имена — я имею в виду Галича, Высоцкого, Городницкого, Визбора, Окуджаву — по праву заняли почетное место. Что-то и нам немаленько уйдет. Жанр есть, он повлиял на жизнь нескольких поколений. И влияние его, мне кажется, исключительно положительное, особенно в наши дни всеобщей коммерциализации, когда мы с радостью («мы», конечно, в кавычках) воспринимаем как атрибуты свободы все западное, яркое — и длинные волосы, и цепи... — все, что раньше нам было несвойственно. На самом деле свободу духа экспортировать невозможно, она вырастает внутри страны. И мне кажется, своими скромными средствами эту функцию, эту исключительно важную социальную роль авторская песня выполняла.

Сейчас задача иная — помочь человеку сохранить себя. И, конечно, нужно, чтобы песня была фактом искусства.

— Я думаю, идет подготовительный этап накануне нового подъема.

Татьяна: Это связано и с временем, в которое мы живем. На последнем концерте я как-то неловко коснулась «современного положения». Конечно, такие авторы, как Высоцкий, Галич, Ким, Окуджава, всегда находились в оппозиции режиму. Было ясно, что мы ненавидим, что плохо и т.д. А сейчас, когда на наших глазах совершается трагедия, конкретная позиция, позиция художников, в общем-то, у авторов нет. Очень трудно найти, против кого ты, хотя идет война и гибнут мальчишки...

— Наверно, просто происходит защита вечных ценностей?

Татьяна: Да, совершенно верно. Хотя, скажу вам откровенно, я сейчас думаю, не оказывали ли мы «медвежью услугу» тем, что старались сеять «до-

брое, вечное...»? Потому что жизнь, с которой сегодня столкнулись наши слушатели, наши почитатели, повернута такой страшной, жестокой, беспощадной стороной именно к тем качествам души, которые мы взращивали в других, и в себе тоже старались сохранить. Люди часто просто не готовы к битве, в которую их втянула жизнь. Это очень серьезный вопрос, и нужно что-то делать. Наверно, поэтому Сережа четыре года назад начал заниматься с детьми во Дворце пионеров...

— Я была несколько раз на этих встречах. Там удивительная атмосфера...

Татьяна: Все-таки, мне кажется, то, что мы делали всегда, несколько оторвано от той реальности, которая беспощадно наступает. Видимо, какие-то еще вещи должны быть привнесены или провозглашены (сейчас говорят о «message», то есть некоем послании, которое передает художник). Наше «message» должно измениться, стать ближе к реальности. Мы все-таки парим в небесах, а жизнь тянет вниз... И я очень боюсь, что люди приходят к нам за глотком, таким сладостным, чего-то несуществующего. Все-таки сила авторской песни была в том, что она не расходилась с жизнью, она пела конкретно каждого из нас. А сейчас этот разрыв есть.

Наверное, новые авторы должны сказать свое слово. Нас уже трудно изменить.

— Мне кажется, этот разрыв будет сильнее и сильнее. Появляется новое «против чего». Слишком много пустоты, бездуховности...

Татьяна: Духовность — то мы как раз воспеваем. Но как сохранить духовность и стоять обеими ногами на земле — вот проблема. Жизнь нас лишает веры, что мы можем трудиться изо всех сил, быть счастливыми, зарабатывать и при этом перед нами не будет выбора — или стать бандитом, или платить бандитам. Жизнь такой гадкой прозой повернулась, что искать ответа на животрепещущие вопросы в искусстве стало трудно. Нет ответа на это.

— А сами вы приспособились к новым условиям? У вас нет страха перед жизнью?

Татьяна: У меня ощущение безумного разочарования. Я раньше понимала, что мы должны заплатить какую-то цену за то, что было с этой страной. Испытать какую-то меру покалывания за то, что случилось с нашими дедами, жизнь которых попала под колеса истории. Но все-таки я не предполагала, что и наши жизни пойдут на удобрение, а чему, не знаю.

— То есть ощущение безнадежности...

Татьяна: Да. Я поняла, что мы чересчур гордились собой. Гордились интеллигентностью. Ну, не были многие героями. Но нам казалось, если человек не сподличал когда-то, этого было достаточно, чтобы считать его порядочным. А сейчас выпали другие испытания, и они оказались даже более серьезными, чем те, прежние...

Сегодня человек остался один на один со своей совестью. Раньше было «прилично-неприлично» выглядеть в чьих-то глазах. Сейчас этот стыд исчез, растворился. Исчезло само это понятие. Многие из тех, кому мы ран-

ьше верили, сейчас это испытание на прочность, или грубо говоря, «на вшивость», не прошли. Понимаете, раньше считалось: «он — партийный лидер, а я — МНС, значит, я хуже него». А сейчас жизнь подбросила этого «МНС» вверх, и он такой же оказался. Вот ведь что получилось. Мне очень трудно в сегодняшнем мире. Та жизненная планка, которой мы следовали, оказалась слишком высока, а снижать ее мы не можем. Это будет изменой самим себе.

— Как в вашей песне на стихи Евгения Евтушенко: «Тот, кто с хрустальной душой, тот наказан расплатой большой...»

Татьяна: А мы-то как раз эти хрустальные души лелеяли и растили. Говорили: так правильно.

— Но вдруг резко поменялось время...

Татьяна: ...и души оказались незащищенными.

— А может быть, наоборот, закалились внутренне?

Татьяна: Ну, если человек может жить в обществе и быть свободным от общества, то мы ему помогли. Но законы диалектики показывают, что это должны быть очень сильные люди.

— Недавно прочитала ваше интервью в «Культуре». Вы говорите, что в годы застоя ваше окружение, академическая среда умели создавать свой мир, эдакий «миникоммунизм», и уходило в него. А что сейчас?

Татьяна: Я считаю, изменилось многое. Люди стали реже видеться. Раньше жизнь была безнадежной и беспечной. Не на что было рассчитывать. Ждали, когда помрет Политбюро. А кто придет на смену? Такие же. Наверно, это была неправильная позиция. Но что с простых людей требовать? Чтобы все вели себя, как герои? Это невозможно.

Я суку по нашему университет-

скому кругу — встречаются реже. Потому что нести тоску и говорить друг другу о том, что мы видим, противно. Потом — правда, у нас меньше — произошло расслоение чисто материальное. Кто-то «пристроился», кто-то — нет. Это тяжело, потому что нищета унижает. Особенно людей мыслящих, интересных. Взять билеты для семьи, чтобы поехать на концерт в другой город (как это делали раньше, даже при зарплате преподавателя университета), уже нереально. Эти билеты теперь им покупает богатый друг. Люди внутренне страдают, потому что такое положение дел унижает и тех, кто деньги дает.

— А какие стихи и песни вам сейчас ближе?

Татьяна: Стихи поворачиваются с годами новыми гранями. Если, конечно, это настоящая поэзия. Я сейчас живу со стихами Есенина, хотя никогда не была его поклонницей. Но я его себе открываю. Многие его строки у нас стали штампом, банальностью. А на самом деле это гениальное, простое и поэтичное изложение очень важных чувств.

Сергей: То, что мы пели 11 марта в Доме художника, отражает наш выбор. Я очень люблю «Зычный гудок» Олега Чухонцева, песни на стихи Дмитрия Сухарева...

— Вы видите разницу между авторской песней и актерской? Не так давно мы говорили об этом с Еленой Камбуровой...

Сергей: Наверно, вы имеете в виду авторское и актерское исполнение?

Татьяна: Мы таких градаций не делаем. Хотя сами тоже вносим элемент актерства. Мне кажется другое. Есть песня драматическая. Есть удача и неудача, есть искусство или нет его. Вот водораздел. А какими средствами все делается, это другой вопрос. Часто великолепный актер так перегружает песню приемами! Ему (ей) кажется, это театр, а песня многое теряет. Нет легкости, самоиронии, ты весь играешь эту песню. Дело не в названии. Любый человек, стоящий на сцене, — актер. Он выносит с собой мир — я имею в виду авторскую, драматическую, поэтическую песню, — за которым ты следишь, как в театре. Любая песня — театр, даже когда выходит автор с гитарой в помятых брюках... Он создает свой, примитивный театр.

Сергей: Почему примитивный?

Татьяна: Потому что он не ставит такой задачи...

— Бывают актеры, которые поют песни Окуджавы, Вероники Долиной и ничего своего не привносят. Получается безлико.

Сергей: Что значит «своего»? Хорошо бы еще за автором шли. Иногда поют на своем уровне, своим музы-

кальным языком и получается так убого... Да и не стоит такая задача — внести что-то свое. Главное — донести, пропустить через себя.

Татьяна: Возьмите Галю Хомчик. Что она делает? «Просто» исполняет. Но это исполнение обретает подлинность. И все слушается, интересно слушается.

Важно присутствие личности на сцене, важно, насколько она интересна. Для нас вершиной того жанра, в котором существует Лена Камбурова, была Эва Демарчик. Она на сцене не работала. Она парила. Никто даже не задумывался, есть ли у нее мастерство или нет...

— Еще один традиционный вопрос. Как вы относитесь к популярности?

Сергей: Наверно, мы об этом не имеем правильного представления.

Татьяна: Сергею, по-моему, это иногда приятно. Вокруг него вытесны дети, их восторженные мамы, в театре хвалят. Мы выросли в среде, где неприлично было даже думать об этом. Это было смешно. А театр — это другой организм. В театре это культивируется. И на Сергею, как и на многих других, это действует. Но тем не менее он — очень скромный человек...

Сергей: Люди, которые нас узнают, слава Богу, интеллигентные. Делкатно узнают. Не назойливо.

— А вы не боитесь «случайных» зрителей?

Сергей: Наоборот. Если они потерпели до конца, значит, что-то в них такое произошло. Может быть, у них появится потребность взять в руки книжку, например, Давида Самойлова...

Татьяна: Конечно, труднее в незнакомом городе, с новыми слушателями. Больше уходит усилий, чтобы создать микромир, втянуть в него людей, заставить их работать умом, душой, сердцем. Надо больше тратить себя. Вот 11 марта концерт шел три часа, но он не был для нас физически тяжелым. Был энергетический обмен.

Сергей: Уже много лет мы стараемся делать так, чтобы люди приходили к нам, а не мы приходили куда-то. Всегда избегаем «сборных» концертов, эстрадных, в Колонном зале... Там действительно сложная аура вывет. Мы стараемся, чтобы все происходило добровольно.

Татьяна: На самом деле мы никогда не думаем о сверхзадаче — чтобы «пасти народ», чтобы люди взяли в руки книгу или еще о чем-то. Важно петь для себя, чтобы ты себе был интелесен, а уж нравиться другим — это дело второе. И если приходят новые люди, нужно каждый раз подтверждать, что звон вокруг тебя не случаен.

Наталья САВЕЛЬЕВА

(Рисунок и фото из семейного архива)